

ВАЛЕРИЙ АНДРУСЕНКО

ПРО КУРЕЙКУ И НЕ ТОЛЬКО. ПАПИНЫ РАССКАЗЫ

Валерий Андрусенко
Про Курейку и не только.
Папины рассказы

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66211672
ISBN 9785005523372*

Аннотация

Эта повесть в форме послания отца детям рассказывает о возведении Курейской ГЭС за Северным полярным кругом, в условиях экстремального холода и удалённости. Романтика последней стройки Советского Союза, небывалые красоты северных широт и в то же время неумолимость этого края к человеческой беспечности рисуют объемную картину грандиозного события и людей, участвовавших в нем. Потому эти истории являются не просто мемуарами, но и ценными документами своей эпохи.

Содержание

Синописис.	5
Курейка – это вам не курам на смех	10
На Курейке жить можно – только осторожно	17
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Про Курейку и не только Папины рассказы

Валерий Андрусенко

Корректор Сергей Ким

© Валерий Андрусенко, 2021

ISBN 978-5-0055-2337-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Синописис.

Про Курейку и не только.

Папины рассказы

1985 год, СССР – страна, которой больше нет, но эгрегор её в каждом живущем на одной шестой части суши. Нашему герою тридцать семь лет. Зовут его Валера, он москвич. Окончил МВТУ им. Баумана и МГУ им. Ломоносова, работает ведущим инженером в одном из машиностроительных министерств СССР в управлении оборонной техники. Живёт с мамой (папа умер) в трехкомнатной квартире. Был женат, но брак не сложился, дочке девять лет. Работа связана с частыми командировками на заводы министерства, где выполняются различные оборонные заказы. Валера называет эти командировки «путешествиями по Великой и Необъятной за государственный счёт».

Зимой Валера ездит кататься на лыжах в Приэльбрусье, а летом на пару недель в Сочи. И все, казалось бы, хорошо, но Валера замечает, что год от года усиливается какая-то недужная тревога-тоска. Размышляя о причинах явления, он находит источник в студенческом прошлом, когда на последнем курсе обучения в МВТУ комиссия распределяла выпускников по будущим рабочим местам на предприятиях по профилю квалификации. Тогда и задумал Валера финт

ушами – не дожидаться, когда тебя засунут в один из московских балаганов НИИ или КБ (и пропасть там в курилках), а самому найти место по душе. И отправился Валера в Министерство энергетики СССР, которое ведало строительством энергетических объектов в стране. Накануне прочитав в газете, что на Колыме начинается строительство мощной ГЭС, пошёл в отдел кадров Минэнерго, что на Китайском проезде в Москве, чтобы добровольно проложить вектор на Дальний Восток с дипломом новоиспечённого инженера.

Входя в здание Минэнерго, волновался, готовил речь в обоснование своих стремлений, в основе которых лежали фильм «Карьера Димы Горина» и «Братская ГЭС» Евтушенко, а также северные рассказы Джека Лондона. К своему удивлению, был встречен в отделе кадров столь радуш-

но, что даже усомнился, за того ли его приняли. Оказывается, отдел как раз занимался набором кандидатур на заполнение штатного расписания строительства, и Валере сразу предложили должность начальника компрессорной станции на Колыме. Валера чуть не завыл от счастья – получается, что никакого золотого ключика не потребовалось, его просто ждали здесь согласно поговорке «На ловца и зверь бежит». Написал заявление. Обещали выслать запрос на ректорат МВТУ с просьбой откомандировать Валеру в кадры Минэнерго. Простились как родные.

Правило жизни №1: счастье никогда не бывает полным. Через пару недель прозвенел телефонный звонок, и начальник кадров всей энергетики страны с прискорбием сообщил, что Минобороны свои кадры бережёт для себя и может вернуться к вопросу только через три года, – молодой специалист должен отработать, чему его научили.

Так жизнь засосала в колею повседневности сроком на тринадцать лет.

Однако мечта не умерла. И наступил момент, когда тревога-тоска напомнила Валере о его юношеской фантазии. Пошевелив связями, которые уже накопились в багаже ведущего специалиста, Валера определился на должность заместителя начальника отдела оборудования строящейся в заполярье Курейской ГЭС. Подписал с Минэнерго договор сроком на три года, уволился из своего министерства и отправился в путь-дорогу с благословенья своей матушки.

Так начинается история «Про Курейку и не только. Папины рассказы».

Валера проработал на Курейке ровно три года до пуска первого агрегата ГЭС.

Итогом стало создание семьи, рождение двух сыновей и продвижение по службе – перевод на строительство нового блока Кольской АЭС на должность начальника отдела оборудования.

Отсюда Правило №2: жизнь налаживается, когда занимаешься делом.

И, наконец, Правило №3: не бойся страха, он учит осторожности и решительности на пути к удаче, бойся безрассудства – самой короткой дороги к гибели.

Курейка – это вам не курам на смех

Некоторое время назад в стране Советский Союз случилось так, что я уехал по срочному договору на строительство гидроэлектростанции в должности заместителя начальника отдела оборудования строящейся Курейской ГЭС. Объект был расположен за полярным кругом, на правом притоке Енисея – реке Курейке. Несмотря на безобидное и даже какое-то жалкое название, речка эта оказалась с характером весьма привередливым.

Сколько жизней она унесла? Уму непостижимо... Впрочем, река мало виновата, поскольку человек – это настолько высокоразвитое существо, что полагает себя не иначе царём природы и о пороге смертельной опасности часто задумывается лишь тогда, когда его уже безвозвратно перешагнул.

Надо сказать, что было мне уже тридцать семь лет и на Севере я гостил, только катаясь на лыжах в Хибинах, что в Мурманской области. Впрочем, ещё плавал в Баренцевом море у Новой Земли, но это не в счёт.

К этому моменту, как мне казалось, я уже исколесил в командировках всю страну, но покидал дом на новое место жительства – и кто знает, не навсегда ли? – впервые. Моя мудрая мама, внутренне обливаясь слезами, поддержала моё решение, поскольку уже знала наверное, что в Москве я никогда не женюсь.

Как назло, в Москве тогда была оттепель, и я, нагруженный сумками и чемоданами, утепленный для суровых условий Заполярья, испытывал немалые затруднения. Добравшись до Домодедова на такси, обливаясь потом, погрузился в Ил-18, следующий по маршруту Москва—Игарка—Тикси—Чокурдах. Взревели турбовинтовые моторы, самолет, разбежавшись, задрал нос, и Москва скрылась под многослойным облачным одеялом, – даже помахать не пришлось.

Пять часов ночного полёта мало чем отличаются от поездки в электричке. Сон и пробуждение, чередуясь, сокращали время раздумий на тему «что-то меня ждёт?». Зона облач-

ности под крылом миновала, но картина радости не прибавила, потому что за всё время пути – ни огонька, ни светящихся паучков деревень, дающих отраду стае пролетающих над своей страной человеков. На высоте, где живёт только чёрное небо и холодные звёзды.

Наконец тон гудения винтов изменился, в ушах зашевелились убегающие из мозга сны, и стюардесса буднично объявила, что по погодным условиям посадка в Игарке невозможна и самолёт приземлится в Норильске, где пассажиры смогут обрести временный ночной приют. Из того же объявления узнали, что температура в аэропорту Норильска минус пятьдесят, – это вызвало улыбки и шутки старожилов, припомнивших сообщение стюардессы, что в небе за бортом было несколько теплее, аж на пять градусов.

Благо о вещах обещали позаботиться, поэтому, морально приготовившись к замерзанию, максимально закутываюсь и сбегая по трапу. Автобуса, конечно, нет, и сонные пассажиры нестройной толпой потянулись к сияющим электричеством дверям, до которых метров сто пятьдесят. В воздухе стояло морозное марево при абсолютном штиле, что, как выяснилось, было редкостью для Норильска, где плоская тундра даёт волю ветрам.

С удивлением замечаю, что не холодно. Это обманчивое чувство возникает на Севере всегда, когда покидаешь тёплое помещение в лютый мороз. Просто характер супермороза в случае безветрия таков, что он не стремится отморозить

тебе нос или пальцы – ему это не интересно, – а ухватывает весь организм целиком и как удав начинает беспощадно сжимать до костного хруста. Поэтому, ступив с трапа на замороженное поле Норильска с достоинством прибывшего в провинцию москвича, я уже через десяток шагов старался рысью обогнать аборигенов, двигавшихся недостаточно проворно.

Ночь в здании аэропорта прошла спокойно – в поисках места, где можно вздремнуть, прижавшись к батарее. Но наступило утро, небо слегка посерело, и наш самолёт загудел моторами, разогреваясь перед стартом. Не прошло и часа, как Игарка, играючи разбрасывая по сторонам снежную пыль вчерашнего бурана, встречала меня отблесками солнечных лучей из-за нового горизонта.

Аэропорт представлял собой деревянное строение, похожее на сарай средних размеров, в котором размещались службы и пассажиры, застрявшие из-за вчерашнего бурана. Пассажиров было больше, чем посадочных мест на скамейках вдоль стен, поэтому пришлось непрерывно прохаживаться, отгоняя от себя сон. Кроме пассажиров в аэропорту грелись тараканы, их было больше, чем людей, им тоже было холодно, и они тоже гнездовались у батарей. На улице было теплее, чем в Норильске – всего около сорока, – но и этого было достаточно, чтобы не высовывать носа. И, конечно же, все пассажиры были мои попутчики – летели в Светлогорск. Их было человек пятьдесят, в то время как аэроослик Ан-2 брал на борт только двенадцать. В расписании

рейсов на Светлогорск было всего два, и я загрузил.

Оптимизм ко мне вернулся, когда я случайно узнал, что где-то в аэропорту по делам находится начальник строительства Бажанов. «Он должен мне помочь», – подумал я и бросился на его поиски. Но искать не пришлось. Неожиданно он сам появился в ореоле Творца в окружении людей, которые кто здоровался, кто обменивался с ним непонятными для меня репликами или уступали ему дорогу в толпе. Он сам меня вычислил по внешнему виду. Поздоровался, спросил, как долетел. Мой московский вид – один галстук под дублёнкой чего стоил – вызывал у него тихую улыбку, деликатно маскируемую приветливостью.

А я напрочь забыл его отчество, поэтому толком не знал, как к нему обратиться. Наконец кто-то мне помог, поздравившись «Виктор Евгеньевич», и я поклялся себе, что впредь буду выучивать имена начальства наизусть.

И вот узнаю, что Бажанов приехал на машине и собирается возвращаться в Светлогорск. Всего сотня вёрст, какая удача! Не тут-то было. Его ироническая улыбка как бы прошептала на ушко: «Милаай, ты откель тутa взялcя?»

– К сожалению это невозможно, – только и услышал я в ответ. – Да вы и приедете быстрее меня, сейчас организуют дополнительные рейсы, – сказал он и попрощался, назначив мне встречу назавтра.

Действительно, не прошло и двух часов, как обстановка в аэропорту разрядилась. Наконец и меня позвали в самолёт.

Сто тридцать километров над лесотундрой Ан-2 преодолевает за сорок пять минут. Пассажиры сидят вдоль бортов на откидных металлических подставках, их даже сиденьями трудно назвать, а в середине салона навалены вещи. На моей ноге разместился чей-то узел, который сначала не доставлял мне хлопот, но по прилёте я понял, что моя левая нога полностью мне непослушна, этот узел мне её «отсидел». Ведь в самолёте хотя и было теплее, чем за бортом, но не более, чем в металлической бочке.

Дальше всё было как во сне. Пазик, заснеженный посёлок, ночь, искусственный свет со стальной мачты, короткая перебежка на отмороженных ногах до гостиницы. И комната с тремя кроватями для одного. Здесь мне предстояло прожить минимум три года до пуска первого агрегата Курейской ГЭС.

В гостиницах я предпочитаю всегда место у окна. Меня не смутило, что на этом окне образовалась наледь толщиной внизу в десять сантиметров – что ж, Север, однако. Только засыпая, я догадался, что из окна невероятно дует. Чтобы не прерывать сон, я натянул на голову шапку-ушанку, завязав шнурки на бантик. Так что утром мне не пришлось одеваться – почти вся моя одежда была на мне. Просто кто-то в сентябре забыл закрыть внутреннюю раму на нижний шпингалет, и надо погодить июня, чтобы исправить эту оплошность. Но думать об этом было некогда – меня ждала Курейка и начальник КурейГЭССтроя Виктор Евгеньевич

Бажанов, заслуженный строитель СССР.

P.S. Кстати, мама оказалась права – первая молодая девушка, которую я встретил в приёмной Бажанова, через полгода стала моей женой.

*Там с минусом семьдесят температурка,
И мачты стальные трещат как сосульки,
И кости ломает московских придурков,
Приехавших из городских переулков.
Мерзлоты метровые, болота москитные,
И лето фиговое, да зимы элитные,
И кто бы подумал, что в этой малине
Я встречу судьбу свою Лену Малинину.*

А вот почему Бажанов не взял меня в машину, я понял позже, когда пришлось самому проехать по зимнику в составе каравана. Но об этом в другой раз.

На Курейке жить можно – только осторожно

Итак, приехал я на строительство Курейской ГЭС, расположенной за Северным полярным кругом. Что я знал о Севере? Да ничего. Кроме рассказов Джека Лондона, которого перечитал в детстве вдоль и поперёк. Между прочим, с тех времён меня дико интересовал один эффект, который описал Джек. А именно: когда мороз переваливает за пятьдесят, то, извините, плевок человека превращается в ледышку ещё

до того, как достигнет земли. При этом будто бы раздаётся характерный треск. И старожилам Аляски даже градусник не нужен, вышел за дверь, плюнул, если треснуло – активировка, сиди дома, смотри телек. В Москве нечасто тоже бывают морозы за тридцать пять – сорок градусов, но сколько я ни пытался выплюнуть ледышку на московские мостовые, ничего не получалось. То есть получалось некрасиво. И я прекратил этот эксперимент. А оказавшись за полярным кругом, вдруг вспомнил.

И вот что я вам скажу. На Курейке, где зима продолжается с сентября до июня и оттепелей не бывает, абсолютный минимум был зафиксирован минус шестьдесят четыре с половиной градуса, но я его не застал. Зато минус пятьдесят и даже пятьдесят пять градусов бывало частенько. А при ветре более двух метров в секунду добавлялось минус пять градусов при объявлении активировок, когда работы на открытых площадках запрещались.

Так вот, когда мороз переваливает за пятьдесят, в окружающем мире действительно что-то происходит. Я уж не говорю, что такой мороз человека сдавливает как тисками, полегоньку, но беспощадно. Стоит провести на морозе пятнадцать минут, как вы покрываетесь инеем от дыхания, а глаза слипаются от намёрзшего льда. Эвенкам и чукчам не надо шуриться от мороза, он вылепил их лица по условиям эксплуатации.

Разговаривать на улице при минус пятидесяти пяти стано-

вится невозможно. Вы не услышите не только речь собеседника, но свою собственную. И даже не потому, что уши задрапированы. Просто вместе с фонемами, которые вы озвучиваете, на воздух вырывается пар из лёгких, он тут же смерзается, нанольдинки трутся друг с дружкой, шуршат, превращая вашу речь в кашу, словно вы пьяный или у вас отрезали язык. К тому же мышцы лица, губы сковывает маска, мешающая вам артикулировать речь. В результате слышатся только шипящие звуки, как будто вы вдруг перешли на польский. Плюнуть на таком морозе нелегко. Но если у вас это получится, то результат вы всё равно не увидите, потому что облако выхлопа поглощает всю картину, и звук при этом такой, как будто кто-то громко пукнул. Может, на Аляске это и называется треск?

Между тем к началу марта установилась великолепная погода. Мороз ослаб до минус двадцати пяти, голубое небо, рыжее солнце и полный штиль – божья благодать, весна. Я уже отработал целых две недели и начал потихоньку разбираться в местной топографии. А тут выходные, не бежать ли на лыжах окрестности? Лыжник я с детства был неплохой, десятку и даже двадцатку бегал легко.

В местном магазине купил пару лыж с полужёсткими креплениями, палки и, как был в дублёнке, шапке и меховых ботинках, так и отправился в лес. Довольно утоптанная лыжня петляла среди не очень густого леса, называемого лесотундрой, поскольку растёт он на вечной мерзлоте и годовые

кольца наращивает исключительно медленно. Как раз поэтому местная лиственница драгоценна для строительства, – дерево настолько плотное, что тонет в воде, как железо, а потому не гниёт.

Но всего этого я ещё не знал, а просто радовался жизни, движению. Вдалеке на каком-то болоте, то ли озере увидел охотника с собачкой, который промышлял зайцев – следов было много. Не желая быть мишенью, поменял маршрут, решив добраться до соседней горы, возвышавшейся над лесом, чтобы разведать на будущее горнолыжные спуски.

Поставленная цель придала моей прогулке новый смысл. Заблудиться я не боялся, потому что над посёлком возвышались мачты освещения, да и день был уже длинный и светлый – как известно, в двадцатых числах марта на всей Земле от Северного полюса до Южного наступает равноденствие.

Гора приближалась медленно. Волнистая местность то скрывала её от меня, то снова она возникала перед глазами,

вырастая с каждой новой сопкой. Погружаясь в новый распадок, казалось, что вот теперь я вынырну к её подножью, но за ним следовал другой, а гора росла, но играла со мной в прятки, заманивая всё дальше. Я уже шёл довольно долго, часа три, скорость движения была невысока – целина, неровности замедляли движение. Некоторое беспокойство начало свербеть под ложечкой, да и голод давал себя знать. Но отказаться от своей затеи было унижительно, и я решил продолжать.

Наконец гора приблизилась настолько, что я понял – ещё два-три нырка, и я на месте. Путь начал заметно уходить вверх, и – вот оно, подножье. Оглянувшись, я увидел Светлогорск как на картинке. Меня поразило, что он был довольно далеко, потому что Пентагон – так прозвали управление строительства, стоящее на горе, – выглядел, как спичечный коробок.

В этот момент я сделал ещё одно открытие. Вдоль горы, а называлась она, как потом выяснилось, Рудный Камень, по траверзу моего движения (то есть перпендикулярно) проходила просека. Дорога? Но куда она ведёт, я не знал – и вправо, и влево она терялась в лесу.

Подъем в гору был очень пологий. Я решил подняться повыше, чтобы найти склон покруче. На вершину мне было уже не дойти, это ясно. Снег становился подо мной всё жёстче, превращаясь в обветренные ледяные заструги, и я понимал, что подниматься бессмысленно. Солнце сильно поме-

няло положение, и посёлок окрасился розовой дымкой. «Десять километров, – оценил я расстояние. – Ничего, по своей лыжне добегу до вечера».

Трудно было оторваться от картины передо мной – словно театральная декорация, расстилалась долина. Казалось, все красоты Севера открылись для созерцания. И бесконечный замороженный лес, и горы на горизонте – синие-синие, и ледяное русло Курейки, змеиным курсом прорезающее долину, и столб морозного пара над первым курейским незамерзающим порогом, и игрушечный Светлогорск прямо по центру. Я присел на камень и смотрел, воспринимая этот пейзаж как награду. Да много ли людей в самом деле видело такую красоту, – может, я один и есть. Свидетелей не было вокруг. Только горностаи, вынырнувший из-под соседнего камня, с любопытством разглядывал пришельца.

Одним словом, я гордился, а время текло. Мороз усиливался и побуждал к действию. Сделал пару разминочных движений и направил лыжи вниз. На мгновение я забыл, что подо мной не окантованные горные лыжи, а хилые деревянные на полужёстких креплениях. Но гора и обветренный лёд быстро напомнили, по чьим правилам игра. Не проехав и двадцати метров, разогнавшись, я потерял контроль и повалился набок, чтобы не сломать себе шею. При этом раздался треск, и я с ужасом понял, что это лыжа.

Раньше я не знал, что такое холодный пот, но в этот момент я его ощутил в полной мере. Только теперь до меня до-

шло, что я не в Сокольниках. И знаете, это была такая прививка, что делается один раз и на всю жизнь. Не помню, держал ли я в сердце Бога, но кажется, в душе помолился беззвучной молитвой.

Осмотрев лыжу, я увидел, что откололась щепка длиной в половину лыжи. На счастье, лыжа была довольно широкой и осталась рабочей. С превеликой осторожностью я продолжил спуск, медленно соскальзывая и переступая лесенкой, пока не дошёл до подножья. Переведя дух, встал на свою лыжню и аккуратно направился по ней в обратный путь.

Постепенно холодок вдоль позвоночника прошёл, я согрелся и начал даже подтрунивать над своей оплошностью. Но мне снова напомнили. Чтобы немного сократить путь, я решил срезать петлю, которой обходил небольшой бугорок. Поехал прямо вниз по целине, низко пригнувшись, помня о треснувшей лыже. Внизу бугорка на компрессии я разгрузил сломанную лыжу, оберегая её от нагрузки, но одновременно другая погрузилась в снег, и меня опрокинуло.

Лежу в снегу и думаю: ну не дурак ли? Одного раза недостаточно? Хорошо, что лыжи не сломал, а ведь мог бы. И зачем, не лучше ли было обойти лишних двадцать метров?

В общем, лежу и тихо на себя ругаюсь, а вставать надо. Пробую встать. Не получается. Думаю, надо опереться на палки и подняться. Но палки уходят в снег и не находят опоры — дна нет, настолько глубокий снег и пушистый, как лебяжий пух. Придётся снять лыжи, подняться и надеть их снова.

Кое-как, задрав ноги, снимаю. Но встать не могу. Барахтаюсь в снегу, как в воде, опереться не на что. Уже весь вспотел, но ничего не добился. Включаю логику. Надо раздеться и постелить дублёнку на снег. Кое-как снимаю шубу и заползаю на неё, как на льдину. Получилось! Ставлю лыжи на шкуру, стоя на четырёх лапах, прилаживаю крепления. Теперь поднять дублёнку, отряхнуть и одеться. Пока я боролся со снегами, лес посерел, вечерело. Тень от Рудного Камня наползла и напомнила, что к ночи мороз усилился. Кое-как приведя себя в порядок, с осторожностью отправился дальше, моля Бога, чтобы голодные лесные жители не заметили моего вторжения.

До посёлка я дотопал уже в глубокой темноте. У границы леса меня ожидало ещё одно испытание. Эта территория, как я узнал позже, называлась в посёлке Шанхаем. Она отличалась нерегулярной застройкой балками, сараями и прочими строениями, которые охранялись полудикими собаками. Днём собаки притворялись мирными, а ночью превращались в диких зверей. Но поскольку выхода у меня не было, я решил – будь что будет – и пошёл сквозь воющий строй, посчитав, что даже если порвут дублёнку, до горла я им добраться не позволю. Легкомысленно считал, но другой дороги не было, и с этим лающим зубастым эскортом, отмахиваясь палками и сам рыча, как дикий вепрь, я добрался наконец до гостиницы и упал на диван в холле администратора. Она меня не узнала. Молча напоила чаем. Поглядев на себя

в зеркало, я и сам себя узнал с трудом – покрытый ледяной коркой от ног до головы, с оторванным рукавом, осунувшийся, с обмороженной рожей и ужасными затравленными глазами, круглыми как плошки. Славно погулял...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.